

«С надеждой новых зорь при новом пробуждении...»

На тетюшской земле сохранилось необыкновенной красоты имение Долгая Поляна, принадлежавшее известному дворянскому роду Молоствовых. Последним хозяином имения был Владимир Молоствов. Его жена Елизавета Владимировна (в девичестве Бер) писала стихи, занималась общественной и научной деятельностью, дружила с Л.Н. Толстым и многими известными деятелями культуры. Она пережила революцию, трагическую гибель мужа и умерла от рака, забытая всеми, в 1936 году.

Какое душевное, бесконечно долгое лето! Элиз – маленькая, ссохшаяся, только угольки глаз не потухли – огонь души все еще поддерживает тлеющее тело. Ах, Елизавета, за что, за что? – ты не раз задавала себе этот вопрос. Но ведь ты знала, что рак не пощадит тебя.

А помнишь, что писал тебе великий духовник Толстой? «Все – во благо!» Странными и нелепыми показались тебе 30 лет назад его рассуждения о смерти. Ты была молодой и считала, что радость жизни – в исполнении желаний. Но Лев Николаевич заявил, что счастье есть состояние духовного сна. Ты не могла согласиться с этим.

Все началось с письма к Л.Н. Толстому, и вдруг – отклик: обстоятельный ответ на все твои вопросы. И вот – встреча в Ясной Поляне с великим мыслителем, радужный прием Софьи Андреевны Толстой. А потом – работа и поиск, исследования о русском сектантстве. Европейские и российские журналы наперебой печатали популярные религиозно-философские очерки Елизаветы Молостовой.

Потом, Элиз, ты собирала письма участников первой мировой войны, ездила по всей Казанской губернии, анализировала и обобщала. Хотела показать истинное отношение народа к этой войне. Предчувствовала ли ты, чем она закончится? Революция не испугала тебя. Оба вы с мужем приветствовали зарю перемен и не думали, что принесет новый восход...

- Елизавета Владимировна, очнитесь, да очнитесь же! Больная открыла глаза и долго, непонимающе глядела на мальчика. Черные вихры спутанных волос спустились на его брови. В руках он держал алюминиевую

кружку. Элиз, с трудом напрягая память, силилась понять, откуда взялся этот ребенок и что он хочет. До сознания дошло лишь, что она жива и в окно флигеля заглядывает розовая гроздь рябины, – значит, конец лета.

- Слава Богу, живая, глаза только мутные... Маманька велела Вам киселью выпить.

Элиз смотрела на загоревшую ручонку с кружкой, на грязь под ногтями мальчугана и чувствовала отвращение к сомнительному питью.

- Пейте, не то ноги протянете. А вечером баба Гаша отвару целебного принесет, глядишь – и поправится.

- Ты кто?

- Вот те раз! Степка я, крестник Ваш, Елизавета Владимировна.

Элиз окончательно пришла в себя.

- Вот, Степка, до чего барыня твоя дожила: мозги помутились, – и потянулась к вихрам ребенка. Ласково потрепала за чуб, провела рукой по конопатому лицу. «Не дал Бог счастья в детях – и тут я обделенная», – подумала.

- Тятка не велел Вас барыней называть. Опять в деревнях врагов вылавливают, а в городе уже всех господ давно в расход пустили.

- Меня, Степа, сам Бог в расход пустил. Что у тебя там в кружечке-то? Пить больно охота.

Она чуть пригубила кисель и откинулась на подушки, и вот уже густой туман обернул глаза и мысли.

Нет, Элиз не была в полном беспомыслии. Там, вдали, на противоположном берегу Волги, она видела закат и тоскующую тень Владимира на фоне скорбных роц.

На несколько минут боль отпустила, и стены флигеля растворились, горизонт приподнял крышку неба, и перед Элиз открылась синяя долина. Она опустила с кро

вати ноги и почувствовала прикосновение мягких трав, запах тлеющих цветов, услышала стрекоты цикады и перекличку щеглов. Неведомая сила перенесла ее в прошлое...

Элиз впервые ступала босыми ногами по траве. И в Долгой Поляне тоже очутилась впервые: ее муж Владимир Германович оставил службу в поземельном банке и ушел в отставку, решив посвятить себя хозяйственной деятельности в родовом имении.

- Не бойся, - говорил Владимир. - К этому надо привыкнуть, и ты ощутишь целебное действие трав и гумуса. Не бойся быть ближе к земле.

Лиза смеялась, как веселятся дети, погружаясь во время полуденного зноя в холодную реку.

Шел пятый год их семейной жизни.

Владимир Молоствов и Елизавета Бер обвенчались 5 сентября 1899 года в Казани. Девушка поразила молодого дворянина образованностью, разносторонностью интересов и смелыми философскими суждениями. Время не охладило его чувств, напротив, увлечение переросло в осознанное восхищение талантами жены и цельностью ее натуры. Главной причиной, заставившей его отказаться от городской суеты, было бесплодие жены. Оба супруга мечтали о потомстве и верили, что необыкновенная природа Долгой Поляны благотворно действует на организм молодой женщины. Другим поводом к переезду послужили надежды хозяина на богатства в недрах земли, хозяином которой он только что стал: Владимир Германович планировал провести геологические исследования и, если его догадки подтвердятся, начать бурение нефтяных скважин.

Страстный ботаник и агроном, Владимир основательно готовился к приему жены в усадьбе. Он постарался создать рай в своем фамильном гнезде. Прежде всего были выписаны из разных уголков России и других стран редкие породы деревьев и цветов, разбит новый парк с аллеями: березовой, лиственничной, липовой, тополиной.

«Кто бы ни приехал к нам в усадьбу, должен оценить

мощь России», - любил повторять Молоствов. Он разработал проект соединения каскада родниковых вод в пруды. Их создание усилило впечатление от изумительного ландшафта Долгой Поляны.

Вместо старого деревянного господского дома Владимир Германович поставил новый каменный особняк. Он сам принимал участие в планировке дома, в декоративном оформлении фасада, соединяя эклектику с элементами готики.

Владелицей усадьбы он сделал жену. Елизавета Владимировна обучала крестьянских детей грамотности, позволяла пользоваться своей обширной библиотекой. Нашел себя в новой жизни и Владимир Германович. Он был избран уездным предводителем дворянства, почетным мировым судьей и уездным гласным, а также вошел в комиссию по сооружению железной дороги. Таким образом, он стал фактическим хозяином и первым лицом в Тетюшском уезде, в течение 12 лет представляя интересы земляков в ряде губернских органов. В его руках сосредоточилась большая власть, позволяющая влиять на многие события в Тетюшах. К 1917 году В.Г. Молоствов был действительным статским советником, кавалером орденов Святой Анны II степени, Станислава I степени и Святого Владимира IV степени.

...Ты помнишь, Элиз, ту страшную январскую ночь 1918 года, когда завывала за окном метель, и крещенский мороз рисовал на стекле зловещие знаки? Ты читала их и пыталась успокоить себя, что узоры окна - всего лишь витийство природы. Ждала мужа, который уехал на собрание бедноты, и верила, что метель вот-вот стихнет, и в тишине безмятежного утра раздастся звон колокольчика.

...Замерзшее тело мужа привезли через сутки.

«Господи, за что? Все - во благо? Чье благо?!» Но надо жить и бороться. Хотя бы ради сохранения усадьбы - творения рук любимого человека.

Ты помнишь, Лиза, как за роялем сидел Балакирев, удививший гостей обработкой трех русских народных

Усадьба Молостовых в Долгой Поляне

песен? А в этом кресле смеялась Книппер, когда в залу вошел бык. Горький, усердно нажимая на «о», расхваливал настоящую волжскую уху...

«Надо обратиться к Луначарскому – он не откажет в «охранной грамоте».

На похороны Владимира Германовича приехал родной брат Елизаветы – поэт-символист Борис Бер (см. «Мономах» № 2-2001). Разделяя горе сестры, он остался рядом с ней в самые страшные годы голода и лишений. Здесь, в имении Долгая Поляна, Борис Бер написал лучшие свои произведения: два тома лирических стихов, том мистических стихов «Изумрудная скрижаль», книгу поэм и сказок «Святая Русь», перевод книги Уитмена «Листья трав», одобренный Луначарским.

Пройдет ровно три года, и в такую же вьюжную январскую ночь погибнет Борис, который, спасая от голода сестру, поедет в Казань обменять вещи на продукты. Нелепая, жуткая смерть под колесами поезда догонит поэта-романтика, которого Максим Горький запечатлел в романе «Жизнь Клима Самгина» в образе Туробеева.

«За что!.. Как жить дальше?»

Мужество не оставило тебя, Элиз, и позже, когда в 1930-м решили тебя раскулачить. Но ведь ты уже отдала свой дом под школу коммунистической молодежи, а сама поселилась во флигеле.

И вот уже вводят двух оставшихся лошадей, отбирают последние вещи. А ты снова доказываешь, что «полезна рабоче-крестьянскому государству»: почетный член общества археологии, истории и этнографии при Казанском университете; сотрудник местной метеостанции; агроном, ведущий опытные «географические посева»; под руководством академика Н.И. Вавилова; ученый, выполняющий поручения Казанского университета по исследованию флоры Татарстана; член редколлегии юбилейного издания собрания сочинений Л.Н. Толстого.

«Как странно уходит от этих ярких зорь...» Ты – поэт, Элиз. Не бойся уходить, ведь «если здесь ты сир, то там тебя ждет сонм познавших и любивших». Бледной смерти пламя не слижет мощный дух, ты – святая, прошедшая все круги ада в земной жизни. Не говори: «За что!» Скажи: «Во имя...»

Поднимет ветер опавшие листья с дорожек парка и снова отпустит на землю; чтобы в шепоте мудрой листвы услышали мы сказы Книги вечности: перелистывая ее страницы, хозяйка Долгой Поляны напомянит нам о духовном подвиге.

Ольга Шейнак

Великая женщина, хрупкая Лиза Молостцова пережила жестокую эпоху. Дикая толпа распяла ее любимого, безжалостная болезнь испепелила плоть, но осталась прекрасная усадьба близ Тетюшей. К счастью, появились на этой земле люди, готовые искупить вину своих предков.

Руководство Тетюшского района приняло решение о реставрации усадьбы Долгая Поляна. Для осуществления этой задачи требуются огромные средства, но районная администрация не останавливается перед трудностями. В настоящее время быстрыми темпами ведется строительство в особняке. Регулярно навещают Долгую Поляну с трудовыми десантами работники образования и сферы культуры.

Интересный материал попадает иногда в журнал совершенно неожиданно. Однако случайностью такие открытия не назовешь. Когда статья о Долгой Поляне была уже сверстана, ульяновский педагог Ю.М. Валкин принес в редакцию снимки, сделанные им недалеко от города Болгары. Внимание краеведа привлекла старинная церковь в селе Щербеть Спасского района Татарстана. Возле церкви Юрий Маркович сфотографировал надгробный камень. Каково же было наше удивление, когда мы прочли надпись! Оказалось, что за Михаило-Тверской церковью в Щербети находится фамильный склеп дворян Молостцовых, а на камне высечено имя Александра Гавриловича Молостцова (1828-1891). Известны захоронения Молостцовых в селах Три Озера и Никольское, о склепе в Щербети мы узнали впервые.

Михаило-Тверская церковь – это уникальный памятник архитектуры XVIII века. Находится старинное сооружение в плачевном состоянии. Ухода требуют, конечно же, и дорогие могилы.

Елизавета Молостцова

В этом мире мне жаль нежной ласки твоей,
Удивленного милого взора,
Золотого заката среди тихих полей,
Над заснувшей землей звезд узора.
Жаль мне летнего дня на прибрежном песке,
Трав высоких, пахучих цветенье,
Солнце жаркого утра, и в ближнем леске
Птиц неумолчное звонкое пенье.
Жаль гвоздики пучок на столе предо мной,
Принесенный любимой рукою,
И осеннего вечера мирный покой
У камина в беседе с тобою.
Моих книг – моих мудрых друзей с юных лет,
Жаль – хранителей дивных творений,
Но я радость земли, как немеркнувший свет,
Унесу в мир других измерений.

Как странно уходит от этих ярких зорь
И знать, что без тебя все будет так, как было,
И что никто кругом твою не понял хворь,
А все, что помнило, давно тебя забыло!
Грустишь ты? Но о чем? Что путь окончен твой?
Что ночь сменяет день в естественном теченье?
И отдых дан тебе, как благостный покой
С надеждой новых зорь при новом пробужденьи?
Усталость и болезнь – то зов в надзвездный мир,
То голоса тебя опередивших,
И обещанье их, что если здесь ты сир,
То там тебя ждет сонм познавших и любивших.